

ЕВГЕНИЯ МАРЛИТТ

Графиня Гизела
Прихоти любви

ЕВГЕНИЯ МАРЛИТТ

Трихоти любви

Москва
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
М28

Eugenie Marlitt
DAS EULENHAUS

Перевод с немецкого *Т. Моисеевой*
Художественное оформление *С. Ляха*

Марлитт, Евгений.

М28 Прихоти любви / Евгения Марлитт ; [пер. с нем. Т. А. Моисеевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Моя прекрасная леди. Романы Барбары Картленд и Евгении Марлитт).

ISBN 978-5-699-85805-7

Семья Клодины разорена, и поэтому девушка вынуждена переселиться в отдаленный уголок под названием «Совинный дом». Но она только рада такому событию, ведь у нее появится шанс скрыться от любовных преследований герцога. Вот только он не хочет так просто отпускать свою любовь и готов последовать за ней даже на край света. Сможет ли Клодина осуществить задуманный побег?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-699-85805-7

© Моисеева Т., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Во дворе поместья Герольдгоф Альтенштейн пышно расцвели сирень и боярышник. Струи фонтана весело искрились под горячими лучами майского солнца и с шумом падали в каменную чашу. На крышах конюшен и сараев громко чирикали воробьи. Казалось, все цвело и благоухало сильнее, чем обычно, радуясь весне. Тут невозможно было встретить какой-нибудь моли или пауков, засевших по углам в старинных шкафах и сундуках. Хоть дом и выглядел полузаброшенным, почти как во время войны: голые стены и масса вещей, валявшихся как попало на полу в столовой.

Все скопленное и сбереженное заботливыми хозяевами — белье, посуда, серебро, охотничьи принадлежности — все притащили сюда, чтобы затем это добро растащили.

Как оскорбительно звучал среди старинной мебели и книг голос чиновника, однообразно выкрикивавшего: «Лот первый, лот второй...» Казалось удивительным, что при звуках грубого голоса человека, уверенного в своем праве распоряжаться чужим добром, никто из рыцарей, погребенных в склепе под каменными сво-

Евения Марлишт

дами часовни, не пробудился от векового сна и не вошел в столовую, чтобы сокрушить хама — ведь это они в былые времена так смело сражались за сохранение нажитого или награбленного добра.

Но у последнего владельца поместья Герольдгоф, на глазах которого разворовывалось его семейное достояние, кровь в жилах уже поостыла. Это был молодой человек с благородной, красивой наружностью, с лицом, одухотворенным мыслью. Сейчас он сидел в отдаленной комнате. Стояла тишина, лишь лиловые и белые цветы высокой сирени ударялись при дуновении ветра о стекла плотно закрытого окна, да издали-ка долетали слабые звуки аукционного торга.

Господин Герольд фон Альтенштейн застыл за великодушно оставленным ему простым сосновым столом. Но ему, видимо, было не важно, на каком столе лежит его рукопись. Внешний мир не существовал для него, когда, погруженный в свои мысли, он покрывал страницы строчками мелких, разбегающихся букв. Взгляд его прояснялся, только когда цветущая сирень кивала ему в окно.

В комнате, прижавшись к окну, сидела еще маленькая белокурая девочка. Ребенок тоже был занят — своими игрушками, как отец рукописью. Малышка собрала в угол все, что принадлежало ей лично. Красивый расписной чайный кукольный сервиз был прислан доброй герцогиней; кукол со шлейфами она получала ко дню рождения или к Рождеству в длинных ящи-

ках, на которых рукой тети Клодины было написано: «Маленькой Эльзе фон Герольд». Отец всегда читал ей эту надпись. Девочка сидела, окруженная своими богатствами, и пугливо поглядывала на дверь, через которую «злые люди» унесли последние картины и большие красивые часы.

Она успокоительно похлопывала ручонкой спеленатую куклу, лежавшую у нее на коленях, стараясь не шуметь, потому что папа всегда делал испуганное лицо, если она мешала ему писать. Она не вскрикнула, даже когда неожиданно раскрылась дверь, — только кукла полетела с колен на пол, а сама девочка вскочила, быстро перебирая ножками, подбежала к двери и с засиявшим личиком подняла ручонки к вошедшей даме.

Ах, она приехала, прекрасная тетя Клодина, которую девочка любила в тысячу раз больше, чем фрейлейн Дюваль, гувернантку, постоянно говорившую всем: «Что за бедный дом, совсем не для Клары Дюваль». И она ушла, и была невежлива и неприветлива с папой, а малютка всегда вытирала щечки после холодных, противных поцелуев фрейлейн Дюваль.

Теперь девочку поднимали прелестные руки, и тетя нежно поцеловала ее. Потом она, тихо шурша темным платьем из тяжелого шелка, подошла к писавшему и положила руку ему на плечо.

— Иоахим, — позвала она нежно и, нагнувшись,

Евения Марлишт

заглянула в его лицо. Он вздрогнул и с живостью встал со стула.

— Клодина! — воскликнул он с видимым испугом. — Сестренка, ты не должна была приезжать сюда... Смотри — я легко переношу это, не обращаю внимания, но как должна страдать ты, видя, как разоряется все, что ты любила. Бедное, бедное дитя, как больно мне смотреть на твои заплаканные глазки!

— Всего несколько слезинок, Иоахим, — сказала она с улыбкой, но в голосе ее звучало горе. — В слезах моих виновата ворона, возившая почту. Представь себе, верное животное узнало меня, когда я проходила мимо.

— Да, наш добрый Петр ушел, тетя, — сказала маленькая Эльза. — Он больше не придет, и кареты тоже нет, а папа должен идти пешком в Совиный дом.

— Он не должен идти — я приехала в экипаже, — утешила ее тетя Клодина. — Я не буду раздеваться, Иоахим.

— Я и не могу просить тебя об этом в чужом доме. Мне даже нечего предложить тебе, чтобы освежиться. Кухарка в последний раз сварила нам к обеду суп и ушла на новое место. Ты получишь здесь одни неприятности, которых могла избежать, и не скоро отделаешься от тяжелых впечатлений, когда вернешься ко двору.

Она решительно качнула красивой головкой:

— Я не вернусь ко двору, а останусь с тобой.

Герольд вздрогнул.

— Как со мной? Ты хочешь разделить со мной мой нищенский хлеб? Никогда, Клодина, никогда! — Он отстранил ее рукой. — Наша прекрасная лебедь, радость стольких людей, станет томиться в Совином гнезде? Не считаешь ли ты меня безжалостным человеком, если решила, что я соглашусь на это? Я охотно, с облегченным сердцем иду в твой дом, который ты мне великодушно предложила в качестве убежища; он примет меня гостеприимно и радушно, потому что у меня есть дело, которое придает вкус сухому хлебу и золотит старые стены. Но ты, ты...

— Я предвидела твои возражения и потому действовала одна, — твердо сказала Клодина и посмотрела ему в лицо своими красивыми глазами, опущенными длинными ресницами. — Я хорошо знаю, что не нужна тебе, нетребовательному отшельнику. Но что будет с маленькой Эльзой?

Иоахим испуганно взглянул на девочку, надевавшую войлочный плащ, который носят тюрингские крестьянки.

— Ведь там живет фрейлейн Линденмейер, — произнес он нерешительно.

— Горничная нашей бабушки всегда была хорошим, преданным и верным человеком, но теперь она слаба и стара, и мы никак не можем поручить ей смотреть за ребенком. Какое воспитание может дать девочке добрая мечтательная старушка? Ты подумал

Евения Марлишт

об этом? — продолжала она с грустной улыбкой. — Нет, дай мне исправить свою вину! Я не должна была ехать к ее высочеству, следовало сразу отклонить предложение фрейлины и остаться с тобой, чтобы удержать, что еще возможно... И тогда уже плохи были дела в Герольдгофе.

— А брат твой по глупости привез из Испании избалованную жену, которая только страдала от германского климата, пока ангел освобождения не унес ее от земных бедствий, не так ли, Клодина? — с мучительной горечью добавил он. — К тому же брат был плохим хозяином, бесполезным человеком. Он изучал травы и цветы под микроскопом, воспевал их красоту и забывал, что прежде всего они должны служить хорошим кормом. Конечно, все это правда! В худшие руки, чем мои, не могло попасть уже и так расстроенное имение, но чем я виноват, что во мне не оказалось ни капли крестьянской крови, всегда уживавшейся с благородной кровью моих предков? Земледелием и скотоводством создавалось богатство Герольдов, теперь утраченное, и я должен стыдиться перед последним работником, который в поте лица обрабатывает свой клочок земли. Я ничего не беру с собой, кроме пера и горсти мелочи, чтобы прокормить себя и дочь до тех пор, пока будут изданы мои рукописи. Поэтому я работаю с лихорадочной поспешностью.

Он остановился, с горькой улыбкой подошел к девушке и положил ей руки на плечи.

— Видишь ли, дитя, дорогая моя сестрица, мы теперь с тобой перелетные птицы! Уже детьми мы инстинктивно избрали себе разные пути: я — мечтатель, задумчивый звездочет, ты — соловей со звонким серебристым голосом, предмет всеобщего поклонения, вызывала восхищение и поступками, и наружностью... А теперь ты приходишь ко мне, рассеянному человеку, живущему своими книгами, и хочешь забиться в Совинный дом... — Он энергично покачал головой: — Не подходи даже к старому дому, Клодина, поезжай обратно к себе. У меня онемели ноги от сидения в этом углу, куда я спрятался от людского шума, переход в Совинный дом будет мне полезен, а мою дочку понесет верный старый Фридрих, если ножки ее устанут. Теперь до свидания, Клодина!

Герольд протянул руки, чтобы на прощание обнять сестру, но она отклонилась.

— Кто сказал тебе, что я могу вернуться? — серьезно спросила она. — Я попросила отпуск, и мне его дали. Моя дорогая старая герцогиня поняла меня, и, не задавая никаких вопросов, она знает, в чем дело. Так будь и ты скромен, Иоахим, — густая краска залила ее лицо, — и пойми, что, кроме желания быть с тобой, есть и другая, скрытая причина моего возвращения... Хочешь принять меня с замкнутыми устами, но с сердцем, полным любви?

Он молча притянул ее к себе и поцеловал в лоб. Клодина глубоко вздохнула.

Евения Марлишт

— Конечно, у нас будут скудные средства, но это еще не нищета, — добавила она с кроткой улыбкой. — Ее высочество настояла на том, чтобы я продолжала получать свое содержание, а бабушкин капитал также даст некоторую сумму. Голодать нам не придется, и тебе не следует так лихорадочно работать, я этого не допущу. Ты должен окончить свое прекрасное произведение с наслаждением и в полном спокойствии... Ну, а теперь давай собираться!

Она обвела глазами пустую комнату и остановила взгляд на сундуке.

— Да, это все, что я имею право взять с собой, — сказал Иоахим, следя за ее взглядом. — Немного более того, что нужно было последнему отпрыску рода Герольдов при появлении на свет, — только самая необходимая одежда. Но нет, что за черная неблагодарность! — Он ударил себя ладонью по лбу, и глаза его засияли.

— Послушай, Клодина, как это удивительно! Подумай, не знаешь ли ты такого друга нашего дома, который мог, недолго думая, уплатить две тысячи талеров? Как я ни ломаю себе голову, не могу вспомнить никого решительно. Вчера ставят в комнате рядом несколько ящиков и говорят, что они принадлежат мне по всем правам, потому что поверенный возвратил их с аукциона мне, бедному Иову. Я, кажется, расхохотался прямо в лицо носильщикам. Они ушли, и более никто уже не отнимал у меня мою малень-

кую библиотеку, а ведь я чуть было не заплакал, когда грубые руки кидали в бельевые корзины том за томом дорогих товарищей моего одиночества — мои книги. Тот, кто возвратил их мне, должен был знать, что дает мне твердую опору для странствования по пустыне... да будет благословен этот благородный незнакомец с золотым сердцем! Не правда ли, и ты не знаешь, Клодина? Ну не думай больше об этом, мы оба не решим загадки.

Он вложил рукопись в папку, а Клодина начала укладывать в корзину игрушки с усердной помощью маленькой Эльзы. Через десять минут Герольд фон Альтенштейн покинул свое последнее убежище и вышел вместе с сестрой и дочерью. Нельзя было найти более красивую пару, чем эти брат и сестра, спешившие вон из своего родового гнезда, в которое влетали теперь чужие златоперые птицы.

Имение было куплено неизвестным лицом за очень крупную сумму.

Глава 2

На лестнице они встретили даму, вышедшую из аукционного зала. Бормоча что-то себе под нос, она озабоченно приподнимала подол коричневого платья, потому что на ступеньках лежала густая пыль. Краска испуга залила ее лицо, когда она подняла глаза и увидела перед собой брата и сестру.

Евения Марлишт

— Ах, извините! — сказала она низким грубоватым голосом, отступая назад. — Я загородила дорогу.

Герольд взглянул на нее, как будто хотел сказать: «Неужели я должен испытать и эту чашу?», но сдержался и ответил с вежливым поклоном:

— Дорога из этого дома слишком широко открыта для нас, и минутная задержка не имеет значения.

— Какая ужасная, возмутительная пыль на лестнице! — заговорила дама, не обращая внимания на его ответ и отряхивая юбку. — Я никогда не хожу на аукционы, потому что там приходится возиться в старой пыли, но Лотарь не давал мне покоя, писал дважды, и я принуждена была поехать, чтобы выручить серебряную посуду. Он удивится, до какой большой суммы я дошла.

Говоря это, она то бледнела, то краснела, не отрывая глаз от своего платья.

— В память бабушки я очень благодарна, Беата, твоему брату за покупку серебра, которое она очень любила, — сказала Клодина.

— Мог ли он поступить иначе? Ведь другая половина этой посуды принадлежит нам, не можем же мы допустить, чтобы наш герб украшал стол первого попавшегося мещанина? — возразила дама, пожав плечами. — Но не тебе ли следовало, в память своей бабушки, спасти серебро? Если я не ошибаюсь, она лично тебе завещала несколько тысяч талеров.

— Да, на черный день, как сказано в завещании.

Моя практичная бабушка первая осудила бы меня, если бы я это сделала и поставила в моем шкафу серебро, не имея хлеба.

— Не имея хлеба? Ты, Клодина? Ты, гордая, избалованная придворная дама?

— Была ли я горда когда-либо? — покачала головой фрейлина с прелестной улыбкой. — Что до баловства, так, конечно, при дворе работать не учатся.

— Ты и раньше не умела работать! — воскликнула дама. — То есть... — хотела она поправиться, но остановилась.

— Продолжай, ты права, — спокойно отвечала Клодина. — Той работе, о которой ты думаешь, не учатся и в институте. Но я попытаюсь сделаться хозяйкой в Совином доме...

— Не хочешь ли ты сказать...

— Что я останусь с Иоахимом? Непременно. Разве ему теперь не вдвое больше нужны любовь и преданность сестры?

Клодина крепче прижалась к брату и нежно взглянула на него. Лицо дамы снова покраснело. Она быстро нагнулась к маленькой Эльзе и хотела погладить ее по щеке, но девочка, сурово и недоверчиво взглянув на нее, недружелюбно оттолкнула ласку.

Герольд не мог удержаться от восклицания:

— Оставьте ребенка!

— Я привыкла к тому, что дети меня не любят, — сказала дама с принужденным резким смехом. —